

Гендерные исследования. АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА МАЧИЗМА

Автор: М. Г. КОТОВСКАЯ, Н. В. ШАЛЫГИНА

Слова "мачизм", "мачо", "мачистский" за последние несколько лет стали настолько широкоупотребительными, что, очевидно, пришло время задуматься о причинах их социальной востребованности. Ведь еще относительно недавно, 10 - 15 лет назад, понятие "мачизм" (по крайней мере в русскоязычной аудитории) не вызывало каких-либо глубоких ассоциативных связей. В лучшем случае с ним были знакомы специалисты по Латинской Америке, да и их интерес не выходил за рамки более широкого контекста.

Сегодня же мачизм, как говорится, "на слуху". Российские средства массовой информации, обществоведы и писатели активно используют это понятие, когда хотят подчеркнуть особый тип мужского поведения, обладающий ярко выраженной брутальностью, сильным зарядом примитивной сексуальности, доминированием "самцовости" в мировоззренческих установках личности. Можно сколь угодно долго спорить о применимости термина "мачизм" к тому или иному конкретному человеку. Однако сам факт утверждения в нашем общественном сознании связанного с этим термином понятия говорит о том, что мы имеем дело с некой разновидностью "социального героя", востребованного обществом именно в последние годы.

Но тогда неизбежно возникает сразу несколько важных вопросов этногендерного характера. Во-первых, почему модель мужского поведения, сформировавшаяся в ходе конкретных этногенетических процессов в странах Латинской Америки, стала, если можно так сказать, межкультурным эталоном "самцовости"? Ведь в большинстве традиционных культур так или иначе присутствует дихотомия полоролевых установок, предписывающая мужчине быть сильным производителем. Но именно латиноамериканский мачизм начал "экспортировать" свои основополагающие ценности. Во-вторых, если особенности латиноамериканского мачизма обладают настолько сильной притягательностью, что становятся эталоном для подражания, то какова, собственно говоря, изначальная суть самого мачистского нормативного кодекса? В-третьих, эволюционирует ли мачизм? Если да, то какие факторы способствуют этому процессу и в каком направлении происходят основные изменения?

Ответы на эти вопросы, возможно, помогут понять, почему мачизм как социальный феномен стал так популярен в России конца XX - начала XXI в. И даже если раз-

---

Кошовская Мария Григорьевна - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая (ИЭА) РАН, заведующая кафедрой социологии и социальной антропологии Московского государственного университета дизайна и технологии (МГУДТ).

Шалыгина Наталия Валентиновна - научный сотрудник ИЭА РАН.

мышления на эту тему в данной статье отчасти выглядят как гипотетические допущения, в целом, по-видимому, они могут послужить основанием для более фундированных гендерных исследований по этой актуальной проблеме.

Варианты употребления термина "мачизм"

Еще в середине 50-х гг. прошлого столетия известный американский антрополог Дж. Стикос провел выборочное исследование, показавшее, что в различных латиноамериканских странах термин "мачизм" имеет свое, преимущественное значение. Но общие его черты включают в себя такие обязательные качества, как мужественность, обостренное чувство собственного достоинства, стремление к завоеванию уважения в глазах общества и лидерства. Это особый стиль поведения, демонстрирующий высокую сексуальную потенцию, превосходство над женщиной и детородные способности [Sticos, 1955, p. 108].

Долгое время слово "мачо" самими латиноамериканцами воспринималось как сленговое, емко и звучно выражающее целую гамму эмоций по отношению к "настоящему мужчине". Употребление слова "мачо" в разговоре обычно сопровождается весьма характерной мимикой говорящего и щелчком большого и среднего пальцев. На вопрос о том, что это значит, латиноамериканцы, как правило, посмеиваются и делают несколько неопределенных жестов руками, пытаясь подобрать нужное слово.

Эта интегрирующая неопределенность, по-видимому, и сподвигла филологов попытаться выяснить суть самого термина. Потому что именно филологи (и в первую очередь мексиканские) обозначили основные смысловые возможности его употребления. За основу был взят Словарь Испанской Королевской Академии 1732 г., где слово "мачо" объяснялось как "чрезмерная сила и твердость мужчины" [Real... 1963, p. 446]. Далее, из словаря в словарь следовал ряд модификаций, которые к 70-м гг. прошлого столетия приобрели более или менее унифицированный вид. Одна из самых типичных словарных трактовок, используемых и сегодня, выглядит следующим образом: "Мачо - это животное мужского пола. Мул, бык... Часть детородного органа мужчины, с помощью которого происходит оплодотворение. Часть предмета, которую необходимо вставить в другой предмет. Большой молоток кузнеца. Невежественный мужик. Сильный, здоровый, выносливый" [Aristos... 1971, p. 381].

Нетрудно заметить, что употребление слова "мачо" чаще всего иносказательное. Это фигура речи, обозначающая потенциальную способность к действию, имеющему в виду непременно получение конечного результата. Называя так мужчину, латиноамериканцы обычно хотят сказать, что в нем ощущается животворящая энергия сильного самца, мощь и напор победителя, необузданные природные желания животного, только что одолевшего противника в борьбе за власть над стадом.

Но это - так называемая "золотая середина", примиряющая полярно противоположные позиции. На практике отношение самого говорящего к мужчине, которого он (или она) называют "мачо", варьирует от крайне отрицательного (презрения, унижения) до крайне положительного (восхищения, уважения). Все чаще зависит от того, какую жизненную позицию занимает сам говорящий, или от того, как принято интерпретировать мачизм в его ближайшем окружении.

Во многих регионах Латинской Америки (и прежде всего - в городах), где мачизм оказался основной мишенью на полигоне феминистского движения, мужчину называют "мачо", когда хотят подчеркнуть его необразованность, грубость манер, откровенную, ничем не завуалированную сексуальность. И наоборот, там, где сильны традиции патриархального образа жизни (и прежде всего - в сельской местности), где сила и выносливость мужчины гарантируют выживание всем членам семьи, произносят почтительно: "Он - настоящий мачо".

Варианты использования термина "мачизм" в странах Латинской Америки настолько разнообразны, что им даже была посвящена специальная дискуссия на гендерной секции XIII Конгресса этнологических и антропологических наук в Мехико (CICAE,

1993 г.). В сообщениях ученых из Коста-Рики, Доминиканской Республики, Гватемалы, Пуэрто-Рико и других стран региона анализировались социально-экономические, географические, культурологические и иные факторы, влияющие на варибельность применения термина "мачизм". За последние годы в результате совместных усилий антропологов (полевиков и аналитиков) из разных стран научная интрига, связанная с тонкостями употребления этого термина, постепенно проясняется, чего, по-видимому, нельзя сказать о другой, более глубокой проблеме возникновения самого мачистского комплекса поведения.

Этнокультурные корни мачизма

Накануне испано-португальского завоевания южноамериканского континента в XVI-XVII вв. эти две европейские державы переживали последний период распада классических ценностей феодально-патриархальной системы. Царивший здесь три столетия назад дух благородного рыцарства, определявший стереотипы поведения идеального мужчины, навсегда канул в Лету и уступил место новому типу мышления, который историки называют ренессансным и который со временем стал почвой для формирования латиноамериканского мачизма.

Сразу же напрашивается вопрос: а почему вообще следует увязывать ментальность позднего Средневековья с поведенческими установками латиноамериканского мачо? Какое отношение ценности европейской цивилизации этого периода имеют к этнокультурным процессам в Новом Свете? Позволим себе предположить, что самое прямое. Люди, которые делали историю на южноамериканском континенте, - не безликая масса "просто завоевателей", как это до недавнего времени было принято описывать в отечественной литературе. Ими руководили определенные мотивы, соображения как низшего, так и высшего порядка. Именно эти мотивы или, если угодно, склад личности, предопределили поведение европейцев в ситуации столкновения с индейскими цивилизациями Южной Америки и в конечном счете сформировали качественно новые идеалы.

"Скажем прямо: историк лишен возможности познакомиться с личностью... матроса с Колумбовой каравеллы, так же как с бесчисленными людьми древности, Средневековья, да и Нового времени. Они остаются безликой и по большей части безымянной массой. Но из того факта, что мы о них ничего или почти ничего не знаем, вовсе логически не следует, что историку и незачем беспокоиться о том, чтобы что-то о них узнать. Почему мы, историки конца XX в., должны участвовать в заговоре молчания, созданном аристократически настроенными хронистами и писателями античности и средневековья?.. Я настаиваю на том, что есть способ сделать шаг, может быть, всего лишь небольшой шагок, навстречу этому немолчаливому большинству истории" [Гуревич, 1990, с. 85]. Пафос приведенного высказывания как нельзя более соответствует поставленной в этой части статьи задаче прояснить вопрос о том, кем же все-таки были конкистадоры, первые завоеватели Америки?

По словам другого советского ученого - И. Григулевича, это были "обнищавшие идалго... а также плебейские слои испанского общества, хлынувшие за океан" в поисках обогащения. Все они были одержимы жадной "зверской расправы над непокорными индейцами", не пожелавшими мириться с европейским вторжением [Григулевич, 1977, с. 52, 127].

Но если исходить не только из результатов анализа конкретной общественно-политической и экономической ситуации, приведшей к столь трагическим последствиям, но и учитывать весь богатый комплекс представлений человека того времени о себе самом и о мире вообще (воспитание, среда, религия, личный опыт, наконец), то картина получается несколько иной. Точнее, вырисовывается другая, не менее важная сторона Конкисты как исторического процесса. Методологически такой подход, изначально опирающийся на принципы школы "Анналов" и "делающий займы" у психосоциологии Ш. Блонделя и Э. Дюркгейма, на наш взгляд, наиболее адекватен поставленной здесь проблеме, суть которой скрыта в глубинах исторической ментальности.

Конкистадор - это прежде всего мужчина, решившийся на рискованное, почти отчаянное предприятие ради поставленной цели. Называть эту цель просто "жаждой наживы" нам представляется слишком упрощенным. Человеку всегда есть что терять. Те самые обнищавшие идалго и плебейские слои, о которых идет речь, возможно, не владели имуществом и капиталом. Но они однозначно ставили на карту свою жизнь, пересекая Атлантику в поисках лучшей доли. Для такого поступка требовались совсем не обычные качества личности, и прежде всего - несокрушимая сила характера, желание во что бы то ни стало добиться результата.

Тип человека, к которому принадлежали конкистадоры XVI-XVII вв., - это тот самый пассионарий, о котором писал Л. Гумилев, анализируя поворотные моменты в ходе исторических процессов и создания новых этносов. "В этносе всегда преобладают численно гармоничные особи, у которых пассионарность и инстинкт уравновешены. Они консервируют этнический стереотип поведения и традицию, основу сигнальной наследственности людей" [Гумилев, 1990, с. 404]. Психическая структура личности испанского конкистадора, по Гумилеву, должна восприниматься как "фактор икс", возбуждающий и стимулирующий процессы этногенеза. С этой точки зрения жестокая бойня, спровоцированная европейским вторжением в пределы древних индейских цивилизаций, может рассматриваться не только как насильственный акт, уничтоживший индейскую культуру, но и как победа сильного противника над менее сильным. А суд над победителями чаще всего бывает неблагодарным. Ведь не приходит же нам в голову инкриминировать древним майя или ацтекам зверства над покоренными народами, массовые уничтожения себе подобных.

Итак, конкистадор - это победитель. Сильный, жестокий агрессор, хозяин завоеванных земель. Но достаточное ли это условие для того, чтобы начал формироваться поведенчески устойчивый комплекс мачизма? Некоторые авторы отвечают на этот вопрос утвердительно. Так, по мнению видного мексиканского писателя О. Паса, феномен мачизма приобрел такое гипертрофированное значение в странах Латинской Америки именно по причине насилия, совершенного мачо-конкистадором над культурой индейцев (цит. по [Barber, 1975]). Причем последняя изображается в данном контексте чаще всего как девственная и незащищенная, ставшая жертвой надругательства.

Надо отметить, что эта интерпретация мачизма особенно популярна в среде латиноамериканских писателей, с чьей помощью, собственно говоря, и тиражируется этот выразительный образ.

Приблизительно в том же ключе рассматривают возникновение латиноамериканского комплекса мачизма многие исследователи и в нашей стране. Одна из самых необычных и интересных трактовок принадлежит А. Кофману. Он сопоставил содержательную часть народных стихотворных куплетов - копл, входящих в жанр "арте менор" (то есть искусство малых поэтических форм), которые существуют во всех испаноязычных странах Латинской Америки, с испанским первоисточником [Кофман, 1986].

Вывод, интересующий нас в связи с этой работой, заключается в следующем. И в испанском, и в латиноамериканском вариантах копл присутствуют смеховые мотивы мужского самоутверждения при обращении к женщине: превосходство над женщиной, похвальба обилием любовниц и т.п. Но если в испанском варианте явно ощущаются некие отголоски рыцарства, то в латиноамериканском они не только отсутствуют, но заменены откровенно грубой формой. Скажем, собственно испанская копла звучит так: "Вчера ты мне обещала сегодня, сегодня обещаешь завтра, а завтра скажешь: "У меня пропала охота"". А вот как звучит, например, аргентинская интерпретация того же сюжета: "Вчера ты мне обещала сегодня, сегодня обещаешь завтра, а завтра тебе скажу я: "Теперь у меня пропала охота"".

Кофман подчеркивает очень важный момент: в латиноамериканских коплах навсегда исчезла "страдательная" роль мужчины и появилась мощная тенденция к увеличению количества и разнообразия "силовых" мужских мотивов. Эту тенденцию ав-

тор напрямую увязывает все с тем же комплексом силового превосходства, который возник в самом начале испанского завоевания индейских цивилизаций.

Отдавая должное обоснованности всех приведенных версий, хотелось бы отметить, что они не дают исчерпывающего ответа на вопрос о широкой популярности мачизма за пределами латиноамериканского континента, возникшей в последние годы. Очевидно, феномен мачизма включает в себя еще какие-то характеристики, которые не лежат на поверхности, а, как мы полагаем, скрыты в глубинах исторической психологии и, может быть, отчасти в сферах бессознательного.

Попытаемся для начала понять, в чем же, собственно говоря, заключается суть самого мачизма, его, так сказать, идеальная форма. Западноевропейская культура, подарившая человечеству понятие "идеального" (в отличие от восточных цивилизаций, стремившихся во всем следовать "норме"), *a priori* заложила во все поведенческие модели некую труднодостижимую цель, к которой всегда надо стремиться и до которой в принципе можно добраться, но долго находиться на желанной вершине практически невозможно. Модель поведения мачо, на наш взгляд, полностью соответствует установкам "идеального". В повседневной жизни традиционное поведение латиноамериканского мачо - это своего рода ролевая игра, правила которой должны соблюдаться, но очень часто нарушаются. В эти правила входят:

1. *Полоролевая дихотомия, основанная на безусловной авторитарности мужа и отца.* Мужчина-мачо возвышается над всеми членами семьи, игнорируя любые проявления эгалитарных отношений. Он буквально повелевает женой, лишая ее права решать все сколько-нибудь значимые домашние проблемы. В идеальном варианте он берет на себя решение всех вопросов, связанных с системой жизнеобеспечения семьи, включая и те, которые касаются покупки продуктов. Традиция предписывает именно мужчине раз в неделю, как это принято в большинстве сельских районов стран Латинской Америки, выезжать в город и приобретать там все необходимое для пропитания семьи. Жена в лучшем случае может покупать какие-нибудь необходимые по хозяйству мелочи в местной лавочке. Кроме того, муж фактически запрещает жене выходить из дома, чтобы общаться с кем-либо, а тем более - обсуждать домашние проблемы с посторонними. В результате основная среда обитания замужней женщины сосредоточена в пределах весьма ограниченного пространства, включающего, как правило, кухню и спальные комнаты. Мужчина-мачо властвует на всей остальной территории дома и прилегающих к нему хозяйственных постройках.

Стиль общения мужа с женой (опять же в идеальном, "классическом" варианте, которому стремится соответствовать мужчина-мачо) очень напоминает стиль общения хозяина и рабыни. Женщина в доме необходима мужчине для удовлетворения его потребностей, включая, естественно, сексуальные. Причем в этом последнем случае она, так же как и во всех остальных своих действиях, лишена всякой инициативы. Более того, ее естественные желания в этом смысле не только не поощряются, но воспринимаются весьма негативно, ассоциируясь с проявлениями личностной свободы женщины.

Темы разговоров между мужем и женой тоже жестко регламентированы. Женщине предписано, скорее, отвечать на вопросы, чем задавать их. Расспрашивать мужа о делах, которые он ведет вне дома, вообще категорически запрещено. Если в дом приходят другие мужчины для обсуждения каких-либо проблем с хозяином, женщины это никак не касается. Даже присутствие ее в комнате, где ведется разговор, считается грубым нарушением правил домашнего поведения.

Совместный выход супружеской пары из дома возможен. Но он также сопровождается целым рядом ограничений. Во-первых, жена никогда не должна идти рядом с мужем, всегда немного позади. Во-вторых, как-то особенно украшать себя даже ради такого случая ей противопоказано. В-третьих, разговаривать с мужем во время такого семейного шествия вообще не принято. Цель подобных прогулок, как правило, - праздничные гуляния. Но сам маршрут, небольшие покупки и развлечения целиком зависят от желания мужа, а не жены.

Отец-мачо проявляет себя, пожалуй, еще жестче. Его отношение к детям (к сыновьям и тем более дочерям) лишено любых проявлений тактильности. В раннем возрасте детей это практически и невозможно, ибо и мальчики, и девочки в семье находятся исключительно под присмотром матери и других женщин. Но и в дальнейшем мальчики очень скоро становятся "маленькими мужчинами", полностью повторяющими стиль поведения отца со всеми вытекающими отсюда табуациями. Девочки же, начиная с наступления пубертатного периода и вплоть до замужества, не делают ни шагу без присмотра *чиппероне* - любой взрослой женщины семьи, в обязанности которой входит обеспечение условий сохранения "девичьей чистоты". Роль отца фактически сводится только к контролю за выполнением всех традиционных правил воспитания.

2. *Нарциссизм*. Мужчина-мачо откровенно дистанцирует себя по отношению к другим людям. Любовь и чисто человеческие слабости, связанные с этим чувством, отвергаются им, так как отождествляются с зависимостью, свойственной рабам. Дух презрения к самопожертвованию и эгоизм составляют основу "сильной личности" мужчины-мачо и способ ее самозащиты одновременно. Возведя любовь к самому себе и своим мужским достоинствам до уровня сверхценности, мачо автоматически "сбрасывает" с себя оковы многих морально-нравственных обязательств. Традиционным проявлением этого личностного качества можно считать фактически закрепленный обычным правом в странах Латинской Америки "институт любовниц". Мужчина, имеющий полноценную семью, детей и любовниц в придачу, - идеальный образ мачо, доказывающий его независимость, высокий сексуальный потенциал и финансовую состоятельность.

Если "программа дает сбой" и мужчина не может выполнять все взятые на себя обязательства (например, одновременно содержать семью и любовницу), то включается система самозащиты, когда мужчина ради сохранения своего имиджа приносит в жертву интересы других людей. Американский антрополог О. Льюис, исследовавший в середине 1960-х гг. так называемую "культуру бедности", описывает множество примеров из жизни латиноамериканцев, чей уровень совокупного семейного дохода оказался намного ниже критической для тех лет отметки [Lewis, 1966]. В таких случаях мужчины, скорее, откажутся от обязательств по обеспечению семьи, нежели признают, что не могут содержать любовницу. Героини книги Льюиса - законные жены своих мужей-мачо - произносят эмоциональные обвинительные монологи в адрес последних, но, как бы между строк, признают за мужчиной право поступать подобным образом.

Психология мачизма

Мачизм не всегда и не везде оказывается востребованным обществом. Чаще всего это происходит тогда, когда социум переживает период системного кризиса, будь то становление нового этноса, кардинальная смена социально-экономического уклада или политический переворот. В этой ситуации определенные группы людей начинают вести себя совсем не так, как до начала кризиса. Их поведенческая модель в основе своей содержит защитные функции, а не наступательные. К. Лоренц назвал такое поведение видосохраняющей функцией, или критической реакцией. "В английском языке выражение "сражаться, как крыса, загнанная в угол" символизирует отчаянную борьбу, в которую боец вкладывает все, потому что не может ни уйти, ни рассчитывать на пощаду. Эта форма боевого поведения, самая яростная, мотивируется страхом, сильнейшим стремлением к бегству, которое не может быть реализовано потому, что опасность слишком близка... и бегство невозможно из-за ограниченности пространства" [Лоренц, 1994, с. 35 - 36].

Далеко не во всех культурах, переживших кризис иноэтничного контакта, сопряженного с длительными военными действиями, появляется устойчивая модель поведения, характеризующаяся гипертрофированной функцией "защищающегося бойца". Очевидно, для этого необходимо несколько условий, вкуче и приводящих к такому резуль-

тату. Мы полагаем, что именно в странах Латинской Америки периода становления наций произошло совмещение целого ряда условий, породивших упомянутую здесь модель поведения. И самое главное из этих условий - практически одновременное смешение трех этнорасовых групп населения: европейцев, индейцев (коренного населения континента) и африканцев (рабов, привозимых европейцами из северо-западных районов Африки начиная уже с XVI в.).

В результате такого этнорасового смешения, в разных пропорциях происходившего во всех странах Латинской Америки, на континенте появилось множество маргинальных групп населения (индейско-испанские, испано-африканские, индейско-африканские), которые в зависимости от доли той или иной крови получали в каждой из стран свое собственное название. Например, в Мексике потомки смешанных браков с африканцами назывались симарронами (по названию беглых черных рабов), в Коста-Рике дети негров от индеанок - самбо, или самбаиго, в Гватемале - черные карибы, в Бразилии - мулаты и т.д. Точно так же входили в обиход самоназвания и потомков от испано-индейских и испано-африканских браков.

Особенность этнорасовых проблем в странах Латинской Америки состоит в том, что они никогда не были в юридической компетенции государства, как, например, в США Новейшего времени, где любой, самый незначительный намек на недоброжелательное отношение к человеку из-за его цвета кожи может привести к уголовной ответственности. В Латинской Америке все проблемы подобного рода традиционно решались и решаются на уровне обычного права. Это психологический аспект культуры, который включает ценностные ориентации, представления, верования, мировоззрение, сознание и очень трудно поддается изменениям во времени [Человек... 1999].

В качестве логического допущения можно предположить, что единственным способом защиты чувства человеческого достоинства личности в подобных условиях могла стать выработка адекватной модели поведения, включающей в себя прежде всего компенсаторные механизмы. Если я - человек, которому от рождения "не повезло" с цветом кожи, и в стране, где я живу, с этим ничего нельзя поделать и приходится терпеть уничижительные формы обращения, то мне, очевидно, надо вести себя так, чтобы окружающие вынуждены были считаться со мной, как с сильной личностью. Иного выхода у меня нет.

Это умозрительно построенное рассуждение по сути и лежит в основе мировосприятия любого "защищающегося бойца". Если бы в этногенетическом коде метисного населения Латинской Америки исторически не была заложена модель "силового" поведения, она, вполне вероятно, так или иначе могла сформироваться здесь заново. Но такая модель существовала, причем зародилась она задолго до начала Конкисты, еще во времена Крестовых походов. Идеалы мужественности, выносливости, презрения к смерти (и чужой, и своей) были неотъемлемой частью рыцарского кодекса чести и занимали самую верхнюю ступеньку ценностной шкалы достоинств настоящего мужчины. Это была истинная идеология Средневековья периода расцвета. И, как заметил один из наиболее известных авторов в области исторической психологии И. Хейзинга, рыцарский идеал, каким бы обветшалым и наигранным со временем он не стал, сохранял силу своего воздействия на общественное сознание европейцев еще не одно столетие [Хейзинга, 1988, с. 102].

Другое дело, что образ мужественного героя, будучи перенесенным в иные конкретно-исторические условия, заметно трансформировался и, как уже говорилось выше, приобрел более ярко выраженные "силовые" черты. Но именно в таком виде данная модель поведения и оказалась востребованной метисным населением Латинской Америки. С одной стороны, благородная бескомпромиссность мужественности, которая возвышала личность над ситуацией, давала ей шанс сохранить чувство собственного достоинства, с другой - агрессия безвыходности.

Индивидуалистическое и агрессивное самоутверждение личности с самого начала стало прерогативой мужской стратегии поведения в Латинской Америке. "Женская линия" поведения имела здесь совсем иную концептуальную основу формирования.

Во-первых, потому, что колонизация осуществлялась в основном мужчинами. Во-вторых, весьма немногочисленная прослойка европейских женщин, приехавших в колонии, принадлежала к привилегированным классам населения (семьи чиновников), которые несли с собой другие ценности и идеалы. В-третьих, основная масса женщин, принимавших участие в метисации, состояла из индейнок и африканских рабынь, вообще лишенных каких-либо прав на личностную свободу. В-четвертых, католическая церковь, сыгравшая решающую роль в пропаганде культа Девы Марии на вновь осваиваемых колониальных территориях, позаботилась о внедрении в общественное сознание таких ортодоксальных понятий христианства, как чистота и непорочность женщины, ее зависимость от мужчины, терпение и смирение. Наверное, можно было бы привести еще целый ряд факторов, повлиявших на формирование маринистической модели женского поведения, идеально дополнявшей мачизм в странах Латинской Америки. Но эта тема заслуживает отдельного рассмотрения.

Здесь же хотелось бы еще раз артикулировать следующее. Внимательное и непредвзятое изучение этнокультурных корней латиноамериканского мачизма свидетельствует о том, что основу этой модели мужского поведения, скорее, составляет комплекс слабости, нежели силы. Так ведет себя человек, у которого нет реальной власти, возможности управлять ситуацией. Его агрессия демонстративна и ритуализирована. Это инстинкт животного, самца, защищающего себя от угрозы уничтожения, пытающегося отстоять свою территорию и жизнь потомства.

Лоренц, анализируя филогенетические корни агрессии, весьма убедительно показал наличие эволюционной связи между защитной реакцией, появлением на ее основе соответствующей коммуникативной функции и возникновением культурно-исторического ритуала, регулярно сообщаящего о существовании такой функции. "Часто бывает невозможно проследить возникновение ритуала, обнаружить его неритуализированный прототип, потому что форма его изменилась до неузнаваемости... Но сравнительное исследование может позволить пройти назад по той тропе, вдоль которой шла в своем развитии нынешняя форма какой-нибудь причудливой церемонии" [Лоренц, 1994, с. 83].

Попробуем пройти по такой тропе, начав путь с ее конца, то есть с ритуала. Сторонний наблюдатель, ставший, например, в середине 50-х гг. прошлого века случайным свидетелем воскресного времяпровождения мужчин в одной из сельских общин латиноамериканского региона, вполне обоснованно мог бы утверждать, что присутствовал при некоей странной церемонии, очень похожей на "мужской ритуал". Действительно, налицо все признаки ритуального действия: регулярная временная повторяемость, богатая символика форм и красок, "типичная интенсивность" движения, символика жестов и мимики, приверженность устоявшемуся сценарию. Кубинский антрополог К. Ортис описал один такой воскресный день в селении Эсперанса, который здесь воспринимался всеми как "рынок лошадей".

С утра все взрослые мужчины Эсперансы облачались в свои лучшие одежды и, не спеша, начинали собираться на площади у небольшого магазинчика, принадлежавшего Пабло. Это место смотра и покупки лошадей. Своеобразным сигналом для домашних, обозначившим начало церемонии, была фраза: "Я иду посмотреть, что там у Пабло". Ни жена, ни дети, ни другие родственники не имели права не только возражать, но и хоть как-то комментировать намерения главы семейства. Таковы были условия проведения ритуала. Заранее было известно, что мужчина пробудет на площади весь день, часов до семи-восьми вечера, что он выпьет там пива или рома, будет играть в бильярд, обязательно - в лотерею, обсудит цены на лошадей, примет участие в скачках, возможно, сделает бизнес. Все это обстоятельно, демонстрируя окружающим свое достоинство и право быть членом данного коллектива. Женщины в это время на площади никогда не появляются. В следующее воскресенье все повторяется в то же самое время и в точно таком же порядке [Ortis, 1973, p. 63].

В чем же заключается коммуникативная функция этого ритуала? По сути, воскресные сборы на площади в Эсперансе являлись не чем иным, как мужским клубом. Здесь

происходило ритуальное позиционирование наиболее значимых социальных прерогатив мужчины, поддерживалась традиционная модель маскулинного поведения. Постоянные посетители "лошадиного рынка", как правило, знали все тонкости ритуального действа. Их манеры, повадки, жесты, восклицания и многозначительные паузы представляли собой своего рода систему тайных знаков, язык внутреннего общения, непонятный постороннему глазу. Закрытость "лошадиного рынка" как бы сообщала всему окружающему миру о неприкосновенности этой сферы в жизни мужчины.

Проблемы, которые решали члены мужского клуба в Эсперансе, были сугубо специфичны. Здесь формировалось чувство мужского достоинства. Причем в самом первозданном, биологически рафинированном виде. Мужчина должен был доказывать, что наиважнейшим приоритетом его полоролевой идентификации является способность к деторождению. Вся символика ритуального сюжета так или иначе содержала в себе этот лейтмотив. Нельзя, например, было садиться на кастрированную лошадь, поскольку последняя ассоциировалась с опасностью выхода из строя детородного органа самого ездока. Новичок (как правило, юноша), не успевший еще усвоить в полной мере "кодекс чести" настоящего мужчины, принятый в Эсперансе, и ненароком оседлавший мерина, становился предметом всеобщих насмешек и издевательств.

Однако истинная суть такой "самцовости" поведенческой модели коренилась гораздо глубже. Зрелый, физически полноценный мужчина в любой момент должен был уметь показать, что он способен управлять настоящей лошадью, сильной и резвой. Слабость, покорность, пассивность кастрированных лошадей не давали ему такой возможности. И даже наоборот - путем символически опосредованных образов понижали сексуальный ресурс, необходимый для формирования полноценного имиджа мужчины. Фертильная лошадь, хлыст, шпоры, строго определенной формы шляпа и манера носить верхнюю одежду - все эти атрибуты имели сильную семантическую нагруженность, заключавшую в себе право властвовать. А, как известно, любая власть, стремясь сохранить свои позиции, придает очень большое значение соответствующим нормам поведения, в том числе одежде, внешнему виду, вербальному общению и т.д. Нарушители (вольные или невольные) установленных правил несут непосредственную угрозу самой власти, подрывая ее абсолютные права [Потестарность... 1997].

Неритуализированный прототип властного, авторитарного поведения латиноамериканского мужчины в действительности, на наш взгляд, "может быть обнаружен", если мы позволим себе сделать еще одно логическое допущение, а именно предположить, что физическая сила и способность нести в себе животворящее семя, данные мужчине природой, послужили весьма неплохой альтернативой в критической ситуации социальной безвыходности. Э. Фромм, анализируя в философском смысле условия человеческого существования, как нельзя более точно сформулировал недостающее в данных рассуждениях логическое звено: "Человеческое существо, родившееся в описанных здесь условиях, действительно сошло бы с ума, если бы не нашло эталонную систему, позволяющую ему в той или иной форме чувствовать себя в мире как дома и избегать ощущения полной беспомощности, дезориентации и оторванности от истоков. Существует множество способов, с помощью которых человек может отыскать решение задачи, как оставаться живым и сохранить душевное здоровье. Одни из них лучше, другие хуже... Но найти хоть какое-нибудь жизнеспособное решение важнее, чем отыскать решение *получше*" [Фромм, 1993, с. 264 - 265].

Возможно, что усиление маскулинности, доведение до крайнего выражения так или иначе присутствующего в нем животного начала и были тем самым "жизнеспособным решением", которое уравнило потерю человеческого достоинства. Образ мачо сформировался и стал эталоном мужской модели поведения в условиях, когда происходило становление латиноамериканских наций, когда смешение этнических и расовых пластов в регионе достигло тектонических масштабов, дезориентировав изначальные культурные стереотипы личностной самоидентификации. Процесс воссоздания "утраченной идентичности" растянулся на столетия и результат его далеко не во

всех случаях сегодня может быть оценен как позитивный. Но, по известному выражению Э. Эриксона, "любая позитивная идентичность... определяется и через негативные образы, и следует признать то неприятное обстоятельство, что наша Господом дарованная идентичность живет за счет унижения других" [Эриксон, 1996, с. 312 - 313]. Идеал мужчины, способного обеспечить выживание своей семьи и рода, оказался на самой верхней ступеньке ценностной шкалы для абсолютного большинства смешанного населения Латинской Америки. Мачизм стихийно занял позицию "государства в государстве". Мужчина, полностью взявший на себя функции защиты и жизнеобеспечения собственной семьи, сам устанавливал в ней закон и порядок. Учитывая сильный импульс животного начала самца, лежащего в основе культурной модели поведения мачо, этот порядок во многом (если не во всем) был откровенно построен на полоролевой дихотомии. Все проявления гендерного статуса вследствие этого были жестко табуированы и долгое время практически не поддавались пространственно-временным трансформациям. Если мужчина прошел процесс социализации в духе "идеального" мачизма (то есть еще в детстве усвоил все формы запрета на "одинаковость" мужчин и женщин), то его поведение даже спустя многие годы и в иных социокультурных условиях будет отличаться крайней степенью маскулинности и неприятием маргинальных гендерных установок.

Культурная экспансия мачизма

Мы не беремся, естественно, на страницах одной статьи рассмотреть все варианты культурных заимствований мачизма. Тем более что для решения этой задачи необходимы результаты специальных кросскультурных исследований, которых в нашем распоряжении пока нет. Но одну версию культурной экспансии этого поведенческого феномена, а именно интеграцию его в систему ценностей постперестроечной России, все же хотелось бы привести.

Суть этой версии заключается в том, что само слово "мачо" и все, что связано с его употреблением в сегодняшней российской реальности, как это ни парадоксально звучит, является, скорее, "продуктом" североамериканской культуры, нежели его исторической родины. На протяжении всей второй половины XX в. и до настоящего времени включительно США переживают сильнейшее давление со стороны латиноамериканской культуры, что связано с массовыми иммиграциями в эту страну населения ее южноамериканских соседей. В некоторых крупных городах Соединенных Штатов, например в Нью-Йорке, этнический состав жителей уже в 70-х гг. XX в. на одну треть состоял из латиноамериканцев - пуэрториканцев, кубинцев и т.д. [Шальгина, 1991]. В силу многих объективно сложившихся социально-экономических факторов ассимиляция испаноязычного населения в США долгое время проходила трудно и имела в результате двойкий эффект: латиноамериканцы, с одной стороны, усваивали новые для них стандарты жизни, а с другой - сами влияли на формирование не совсем привычных в то время для американцев стереотипов поведения. Попутно происходило и взаимопроникновение сленговой лексики, обозначающей эти стереотипы.

Так, появилось слово "нью-йорикен", симбиотически отражающее стиль мышления, поведения и вербального общения латиноамериканца в Нью-Йорке. Термин "мачо", являющийся неотъемлемой частью образа "нью-йорикена", таким образом органически влился в повседневный лексикон американцев и отчасти заменил собой некоторые другие эквиваленты похожей модели поведения.

Этот межкультурный суррогат, на самом деле имеющий довольно дифференцированное применение в самих США, как нельзя более кстати пришелся "ко двору" в постперестроечной России 90-х гг. прошлого века.

Попал в обиход этой тотальной вестернизации и термин "мачо". Его культурная экспансия пришла как раз на тот момент, когда российское понимание маскулинности переживало жестокий кризис (начало - середина 90-х гг. XX в.). Резко снизился рейтинг высшего образования, параметры "настоящего мужчины" утратили престиж-

ные ранее позиции высокоинтеллектуального профессионала и приобрели одномерные характеристики "добытчика". Мужчина, который был способен в короткие сроки обеспечить себе в материальном смысле достойный образ жизни, оказался идеальным социальным героем "смутного времени". При этом средства, с помощью которых достигался такой социально аморфный статус, как правило, оставались за скобками общественного признания. Если ты смог выжить, устоять и не пропасть среди бурлящей и говорящей толпы, то ты - сильнейший, ты - победитель, ты - настоящий мачо. И самое главное, тебя не мучают приступы никакой морально-нравственной рефлексии, доставшиеся многим из нас в наследство от ушедшей эпохи.

Трудно сказать сегодня, насколько и в каком направлении будет (и будет ли?) развиваться надстроечная, сегментарная часть мачизма в нашей стране. Пока ясно одно: российский мачо - это тот, кто сам пытается защитить себя в нашей стране, будучи лишенным надежды на поддержку действительно правового государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Григулевич И. Р. Крест и меч. М., 1977.

Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1990.

Гуревич А. Я. Индивидуальность и личность в истории // Альманах "Одиссей". 1990.

Кофман А. Испанская копла в Латинской Америке // Искусство стран Латинской Америки. М., 1986.

Лоренц К. Агрессия. М., 1994.

Потестарность. Генезис и эволюция. СПб., 1997.

Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993.

Хейзинга И. Осень средневековья. М., 1988.

Человек и право. М., 1999.

Шальгина Н. В. Пуэрториканская семья в США // Семья у народов Америки. М., 1991.

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

Aristos Diccionario Ilustrado de la Lengua Espanola. Madrid, 1971.

Barber J. Mexican Machismo in Novels by Lawrence, Sender and Fuentes. Mexico, 1975.

Lewis O. La Vida: A Puerto Rican Family in the Culture of Poverty. New York, 1966.

Ortis B.C. Esperanza: An Ethnographic Study of a Peasant Community in Puerto Rico. Chicago, 1973.

Real Academia Espanola. Madrid, 1963.

Sticos Y.H. Family and Fertility in Puerto Rico. New York, 1955.

© М. Котовская, Н. Шальгина, 2005